

ной мысли в целом. Задача заключается в том, чтобы обеспечить площадку для продолжения и развития конструктивного диалога, для чего обеим сторонам (философам и историкам) следует отказаться от клановой замкнутости (этой оборотной стороны развития знания) и выработать форматы представления своих идей, конституированные структурой взаимной коммуникации.

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 645-681
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 5-320.
3. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365-389.
4. Burke P. Metahistory: before and after // Rethinking History. The Journal of Theory and Practice. Vol.17. № 4. 2013. P. 437-447.
5. Gossman L. Towards a Rational Historiography Source: Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Vol. 79. №. 3. 1989. P. 1-68.
6. La Capra D. History & Criticism. Cornell Univ. Press, 1985. 145 p.
7. Munslow A. Deconstructing History. Routledge, 2006. 248 p.
8. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding / ed. by R. H. Canary and H. Kozicki. The Univ. of Wisconsin Press, 1978. P. 41-62.
9. White H. Tropics of Discourse. Essay in Cultural Criticism. John Hopkins Univ. Press, 1978. 287 p.
10. White H. The Practical Past. Northwestern Univ. Press, 2014. 118 p.

Герменевтическая модель в философии истории: достижения и пределы

Нехамкин В.А., Москва

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

В работе сделана попытка реконструкции герменевтической модели в философии истории. Показано место данной модели среди иных аналогичных теоретических конструкций в историософии. Выделены базовые положения герменевтической модели в философии истории. Выявлено, что в идеале подобная модель интегрирует текст и породивший ее исторический контекст, а не противопоставляет их.

Ключевые слова: история, модель, философия истории, герменевтика, герменевтическая модель в философии истории.

V.A. Nekhamkin, Moscow

Hermeneutic model in philosophy of history: achievements and limits

This article attempts to reconstruct the hermeneutic model in the philosophy of history. Shows the place of this model among other similar theoretical constructs to topics in the philosophy of history. The basic provisions of the hermeneutic model in the philosophy of history are highlighted. It is revealed that ideally such a model integrates the text and the historical context that gave rise to it, and does not oppose them.

Keywords: history, philosophy of history, model, hermeneutics, hermeneutic model in the philosophy of history.

Философии истории (историософия) – раздел философии, где изучаются теоретические проблемы анализа исторического процесса: роли личности в истории, смысла истории, его макросоциальной периодизации, наличия/отсутствия в историческом процессе законов, поиска движущих сил исторического развития и т.д. Формально берет начало с 1768 г. (появление одноименной работы Вольтера), но реально имеет более длительную предысторию, как минимум с античности в европейской традиции [14]. Испытывает на себе влияние иных разделов философии (особенно социальной философии, этики), ряда гуманитарных дисциплин (исторической науки, социологии, психологии и т.д.).

В философии истории существует ряд моделей, отражающих различные уровни теоретического познания прошлого. Под термином «модель» автор понимает «установленный субъектом, базирующийся на определенных теоретических допущениях и упрощении реальности, идеализированный материальный или идеальный (абстрактный) аналог объекта гуманитарного или естественнонаучного исследования, способный благодаря своей изоморфности отображать его и давать о нем новое знание» [12, с. 27].

Какие модели есть в философии истории? Прежде всего следует выделить теоретические конструкции, отражающие общую динамику исторического процесса – линейную (линейную, прогрессистскую и ее антипод – регрессистскую), циклическую, спиралевидную, альтернативно-ризомную, коэволюционную [2]. Кроме них, существуют модели, выражающие становление конкретных общественных образований в целом – формационная, цивилизационная, постиндустриалистская, мир-системная и т.д., обобщенные в соответствующие подходы к истории. Наконец, модели, демонстрирующие развитие определенных социумов. Так, западное общество конца XX в. и его перспективы нашли отражение в теоретических конструкциях «западнизма» А.А. Зиновьева, «конца истории» и «доверия» Ф. Фукуямы, «великой шахматной доски» З. Бжезинского, «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и многих других. Иерархия подобных моделей представлена в одной из предыдущих работ автора [7].

Здесь же важно подчеркнуть общие черты подобных макросоциальных моделей в философии истории. Во-первых, интерес именно к общественной динамике и социальной жизни. Во-вторых, стремление выделить глобальные, охватывающие человечество, стадии исторического процесса (формации, цивилиза-

ции, мир-системы и т.д.). В-третьих, признание личности вторичным (после социума) элементом истории. В-четвертых, поиск доминирующего фактора социальной динамики (в качестве таковых в разных концепциях перебирались «экономика», «культура», «массовое сознание», «коллективные представления», «разум», «наука», «техника» и т.д.). В-пятых, выявление (характерное, правда, не для всех моделей) законов становления исторического процесса, количество которых варьировалось (так, у В. Вундта их было 4, у К. Брейзинга – 24 [13, с. 146-148; 151-153]). Причем, часто на подобную роль претендовал выявленный эмпирически природно-социальный цикл «рождение – жизнь – гибель», легко экстраполируемый на социальные образования.

Особняком на фоне подобных доминирующих в философии истории теоретических конструкций стоит герменевтическая модель, рассмотреть которую автор собирается в настоящей работе. Это – попытка интерпретировать исторический процесс как редуцируемый к текстовой реальности, отражающий ее закономерности, выступающей единственным способом связи (коммуникации) представителей прошлого и настоящего.

В чем отличия герменевтической модели от предшествующих теоретических конструкций? Во-первых, интерес не к социальным процессам, а к текстам, в которых они отражаются. Во-вторых, изучение не общества, а человека как своеобразной, говоря словами Протагора, «меры всех вещей» для исторического познания. В-третьих, попытка уйти от законов как «устойчивой, повторяющейся связи явлений» в сторону учета субъективных моментов. В-пятых, желание обойтись без монизма как доминирующего метода познания прошлого.

Герменевтическая модель в философии истории начинает формироваться благодаря Бл. Августину (354-430 гг.). Именно он предположил (в «Исповеди», «О христианском учении» и ряде других произведений), что текст Библии нельзя толковать буквально, ибо за ним скрывается сеть «тайных» знаков, смыслов (имеющих не только теологическое, но и историческое, моральное значение), которые должны расшифровывать особые, подготовленные к этому теологи. Скажем, семь дней творения Богом мира – не семь суток для обычного человека. Допустив такую ошибку, можно впасть в ересь. Христианская герменевтика и призвана ее предотвратить.

На методологическую основу (вслед за Ф. Шлейермахером) герменевтику поставили неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Они по методу разделили науки на номотетические и идиографические. Первые (в лице естествознания) открывают законы, вторые – описывают уникальные (неповторимые) объекты. Речь идет об уникальности объекта как целого, ибо он не сводим к сумме частей. Результаты исследования обобщаются в понятиях, имеющих индивидуальное, а не всеобщее содержание (характерное для номотетического метода). Индивидуальное на базе идиографического метода постигается рациональными способами (например, методом эмпатии, сравнительным анализом, в т.ч. текстов). Следует устанавливать причинно-следственные связи между частями и целым при реконструкции уникального объекта. К идиографическим наукам относится и история,

изучающая неповторимых, уникальных людей, живших в прошлом, обладавших своей, специфической системой ценностей.

Однако возникала важная проблема: как «добраться» до людей прошлого, понять ход их мыслей? Подобная задача решена тоже с помощью герменевтики. Отсюда важная заслуга герменевтической модели в философии истории – разработка концепции «диалога» историка как ученого, живущего в настоящем с людьми прошлого, осуществляемого через документы (источники). Последние выступают своеобразным «посредником» между современностью и минувшим. Причем, в крайней форме, выраженной Ш. Ланглуа и Ш.Сеньобосом, данная позиция гласит: «История пишется по документам... Всякая мысль и... поступок, не оставивший следа или след которого исчез, навсегда потерян для истории... Ничто не может заменить документов, нет их, нет и истории» [8, с. 13].

Историк (как субъект) изучает документы, у него появляются вопросы, которые он апостериорно «задает» человеку, жившему в прошлом. «Отвечая» на них он как бы «сопереживает» представителю минувшего, лучше понимает действительность, где последний жил. Ученый-гуманитарий тем самым не изучает прошлое объективно, отстраненно (как делал бы на его месте естествоиспытатель), а мысленно погружается в нее, чему способствует герменевтика. Суть такой позиции точно выразил В. Дильтей: «возможность пережить в моей экзистенции религиозные состояния для меня ... резко ограничена. ... *Читая письма и сочинения Лютера*, свидетельства его современников, акты религиозных собраний и церковных соборов, ... я переживаю религиозное событие (курсив мой – В.Н.), когда решается вопрос жизни и смерти, с такой энергией, которая совершенно чужда ... переживаниям моих современников. Однако я могу сопережить это...» [5, с. 146]. В идеале при полном следовании такой концепции для историка целью становилось *«реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним»* (курсив Л.П. Карсавина – В.Н.), как бы такое вливание в индивидуальную и коллективную волю ни объяснялось. Для него оно факт...» [6, с. 16].

В результате в философии истории на базе неокантианской методологии рисовалась следующая схема познания в рамках герменевтической модели: «историк – текст – вопросы историка – человек прошлого – сопереживание ему – улучшенное понимание периода, когда жил данный человек». Тем самым специалист через текст (как средство) «проникал» в контекст (условия жизни изучаемого субъекта), вплоть до полного личностного «погружения» в него.

Однако такой подход не решал проблемы: как узнать, что ученый не искажил мысли представителя прошлого, не привнес в его ментальность элементы собственной субъективности, представления настоящего? Отсюда в герменевтике XX в. (Г. Гадамер, П. Рикер и др.) возникает вопрос о соотношении текста и контекста. Первый не «рождается» в безвоздушном пространстве, в вакууме, он испытывает влияние контекста, т.е. внешних условий (политических, экономических, культурных и т.д.), в которых жил автор. Образуется герменевтический круг: чтобы лучше понять текст, надо знать контекст и наоборот. Как его разорвать?

Ответ дали во второй половине XX в. постмодернисты. Мир – текстовая реальность. Соответственно, «контекста» просто не существует, от него можно просто и легко абстрагироваться. Не исключение из этого правила и история. Последняя есть «лабиринт», т.е. «то, что складывается множеством способов» [3, с. 8]. Значит, представляет из себя множество текстов, за каждым из которых стоят субъекты. Впрочем, такой констатации мало. Текст построен иерархически, его надо особым образом «деконструировать», т.е. разрушить скрепляющие, объединяющие его параметры. В идеале, как указывают Ж. Делез и Ф. Гваттари, «у книги нет ни предмета, ни автора, она состоит из разнородных тем, различных дат и уровней. Если *книга приписывается одному человеку* (курсив мой – В.Н.), то это взаимодействие содержаний и внешний характер их отношений остаются без внимания» [4, с. 9]. Получается, что постмодернистский текст не имеет автора (о смерти которого в одноименном эссе 1967 г. заявил Р. Барт), он может включать различные сюжетные линии, повествовать о разных временных периодах и т.д. От него никто более не в праве требовать единства места – времени – действия – темы, ибо перед нами особый «конструктор». Значит, следуя подобной логике, в принципе прекрасна была бы книга, состоящая из исписанных страниц, которые бы по своему усмотрению собирал читатель!

С текстами уже существующих авторов можно «играть», произвольно компилируя из них различные «куски» (части, цитаты) в единое целое. (Так поступил Ж. Деррида в работе «Шпоры: стили Ницше»). Перефразируя известное высказывание Ф.М. Достоевского, можно сказать: «если у текста нет автора, названия, сюжета, то делать с ним все позволено». Что остается? Масса текстов, которые для удобства читателей «приписываются» (пока еще!) «одному человеку» и создатели которых имеют свою независимую точку зрения, в том числе на прошлое. Каждый может критиковать оппонента, но не имеет права навязывать свой текст остальным, объявлять его единственно правильным. В такой ситуации господства текста, контекст полностью исчезает. Искусство интерпретации текста как увязывающего его с контекстом в единую систему становится ненужным, бесполезным. Герменевтика как своеобразный синтез науки и искусства истолкования произведения оказывается лишней. А ведь, как правильно заметил М. Блок, «исторический феномен (включая текст – В.Н.) никогда не может быть объяснен вне его времени» [1, с. 22].

Подведем итог. Герменевтическая модель в философии истории прошла длительную (как минимум с Бл. Августина) эволюцию. Ее предпосылка – наличие текстов, отражающих прошлое и необходимость всестороннего истолкования их содержания людьми настоящего. Базовые положения: 1) люди – существа, создающие особые тексты; 2) текст – посредник между настоящим и прошлым; 3) интерпретация текста предполагает знание изложенной в нем информации и условий его возникновения (контекста). Абсолютизация какого-либо из этих элементов (как показывает опыт постмодернизма) ведет к ненужности герменевтики. Однако последняя необходима для понимания смысла истории, особенно предлагавшихся в ходе дискуссии по данной проблеме идей [9]; при контрфактическом моделировании прошлого, невозможном без обращения к

текстам [10; 11]. Поэтому, на мой взгляд, в философии истории герменевтика должна стремиться к единству текста и контекста, не отрицать автора исторического произведения и его права.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
2. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. 144 с.
3. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. М.: ООО «Красико-Принт», 1996. С. 6-32.
5. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135-152.
6. Карсавин Л. П. Введение в историю (Теория истории). Пг.: Наука и школа, 1920. 78 с.
7. Комиссаров И. И., Нехамкин В. А. Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (дата обращения 1.10.2018).
8. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб: Образовательная библиотека, 1899. 275 с.
9. Лебедев К. С., Нехамкин В. А. Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции [Электронный ресурс]. URL: <http://hmbul.ru/issues/38.html> (дата обращения 8.10.2018).
10. Нехамкин В. А. О методике преподавания истории: контрфактическое моделирование // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 101-104.
11. Нехамкин В. А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ. Автореф. дисс. ... доктора философских наук. М., 2008. 32 с.
12. Нехамкин В. А., Комиссаров И. И. Модели в гуманитарном познании: сущность, функции, перспективы исследования. Калуга: Калужский печатный двор, 2018. 236 с.
13. Философия истории. Антология / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1994. 351 с.
14. Философия истории: учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. 432 с.